

КРИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ХРИЗАНТЕМЫ И МЕЧА» РУТ БЕНЕДИКТ

¹Ержан Земфира Мэлскызы, ²Масалимова Алия Рмгазиновна

¹zemfirayerzhan@gmail.com, ²a.masalimova@apa.kz

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)

²Академия государственного управления при Президенте Республики
Казахстан (Астана, Казахстан)

¹Yerzhan Zemfira, ²Massalimova Aliya

¹zemfirayerzhan@gmail.com, ²a.masalimova@apa.kz

¹Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

²Academy of Public Administration under the President of the Republic of
Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Аннотация. Статья знакомит с историей формирования критической традиции в оценке книги Р. Бенедикт «Хризантема и меч, одной из самых известных книг в японоведении. Статьи японских гуманитариев, современников автора, которые указывали на отсутствие историзма в ее методике, ныне признаются наиболее объективными оценками ее труда. Многие исследователи сходятся во мнении о том, что в книге Р. Бенедикт были сформированы основные дискурсы концепции уникальности японцев, нихонджинрон, который возник в 70-е годы XX века. В подходе Р.Бенедикт к описанию Японии прослеживаются традиции ориентализма, которые были востребованы в условиях отсутствия в западной антропологии методик изучения современных восточных культур. Феномен «Хризантемы и меча» является показательным для многих актуальных исследований: теории нацистроительства, постколониальной теории, теории модернизации и множественности модерна.

Ключевые слова: Рут Бенедикт, нихонджинрон, модернизация Японии, ориентализм, вестернизация, примордиализм, нацистроительство.

Введение

Книга американского антрополога Рут Бенедикт «Хризантема и меч», написанная в 1946 году, по сей день является одним из самых известных исследований в японоведении [1]. Эта работа, созданная по заказу спецслужб страны-победителя, признается в качестве научного издания, сформулировавшего фундаментальные особенности японской культуры и общества. С точки зрения развития научных идей, ее оценивают как важное достижение антропологической школы культурного релятивизма Ф. Боаса.

В русскоязычном и постсоветском японоведении исследование Рут Бенедикт в большинстве своем интерпретируется в данном ключе, которое воспринимается как «классическое». На то, что в самой Японии появление «Хризантемы и меча» встретили не столь однозначно, обращали внимание, пожалуй, лишь два российских японоведа - А.Мещеряков [2] и И.Дегтев [3].

Между тем, в англоязычной и японской историографии книга Рут Бенедикт имеет давнюю (с момента ее выхода, а также перевода на японский язык) критическую традицию. Более того, наблюдая за выпавшем на 70-е годы XX века становлением и последовавшим за этим расцветом нихонджинрон, собрания сочинений о японской исключительности, ряд исследователей утверждают, что именно содержание «Хризантемы и меча» послужило решающим фактором возникновения этого специфического явления японской самоидентификации.

Примечательно прозорливое замечание самой Рут Бенедикт, которая, понимая объективность несовпадения внутреннего и внешнего фокусов на явления национальной жизни, писала в своей книге: «Оптические стекла, сквозь которые любой народ смотрит на жизнь, не совпадают с теми, что используются другим. Трудно познавать мир глазами другого. Любая страна считает естественными свои оптические стекла, и хитрости фокусировки и построения перспективы, дающие любому народу его национальное видение жизни, представляются ему богоданном устройством мира» [1, с. 13 -14].

В качестве предварительного замечания отметим, что характерные для книги Рут Бенедикт абстракции интерпретации проявляются в самой трактовке ее названия, получившей распространение, в том числе, в русскоязычной литературе. Символы хризантемы и меча часто прочитываются как характерная для японской культуры дихотомия уточненного эстетизма и самурайского милитаризма. В то время как по замыслу самого автора, название книги было продиктовано актуальным политическим контекстом послевоенного периода. Хризантема была символом японской несвободы и диктатуры, а меч символизировал надежды американцев на демократические изменения, которые должны произойти в побежденной стране.

Методология

В рамках предлагаемой статьи будет представлен обзор основных публикаций, содержание которых составляет критическую проблематику «Хризантемы и меча», а также выявлены некоторые особенности исследуемых тенденций. При этом будут применены интегративные подходы и методы, характерные для культурологии. Основным среди них является сравнительно-исторический метод, который в данном случае позволяет проследить взаимодействие разных историко-культурных и цивилизационных контекстов, а также динамику происходящих в них изменений. Благодаря возможностям структурно-функционального метода выявляются закономерности развития культурных институтов, в том числе, формирования антропологического знания. Поскольку статья посвящена вопросам интерпретации текста книги, то необходимо использование герменевтического метода, основанного на семантическом, лингвистическом и логическом анализе.

Для культурологов, имеющих интерес к вопросам формирования национальных идентичностей, столь продолжительная актуальность и востребо-

ванность «Хризантемы и меча» позволяет выявить ряд проблем межкультурного диалога и особенностей взаимодействий гуманитарных и политических идей, которые присутствуют в критической традиции, сопутствующей данному явлению.

Статьи, посвященные «Мечу и хризантеме» Р.Бенедикт будут рассмотрены в хронологическом порядке. Представляется, что подобный обзор является одним из первых достаточно подробных изложений данной проблематики в русскоязычных публикациях.

Японские современники о книге Р. Бенедикт

Первая рецензия книги, написанная в 1947 году, принадлежит Цуруми Кадзуко. В 1950 году, после перевода «Меча и хризантемы» на японский язык, в «Японском журнале этнологии» («Japanese Journal of Ethnology») были опубликованы статьи ведущих представителей социо-гуманитарных наук Японии, посвященные обсуждению этого труда. По справедливым оценкам современных исследователей, это издание ныне считается самым объективным обзором книги [4, с. 187].

Рецензенты, с одной стороны, признавали, что Бенедикт указала на те направления в изучении японской культуры, которые сами японские исследователи упускали из вида. В частности, речь шла о необходимости тщательного лингвистического изучения японских слов и понятий, к которым апеллирует Бенедикт. Примечательно, что многие из них в тот период в Японии воспринимались как устаревшие. К. Янагита писал о том, что следует применить метод Бенедикти обратиться к малоизученному периоду раннего Нового времени [5, с. 53].

Гораздо более единодушны авторы рецензий были в оценке того, что метод Бенедикт основывается на «сверхобобщении» данных и явлений при описании современной Японии. Так, Т. Вацудзи в статье «Вопросы о научной ценности «Хризантемы и меча» указывал, что понятие Бенедикт «образцы японской культуры» стоило заменить на «образцы ультра националистической военной культуры» [6, с. 39]. Вацудзи также выступал против того, чтобы универсальные качества, присущие всем народам, рассматривались как уникальные черты характера японцев. Он считал, что утверждение о том, что у японцев нет понятия «капитуляции», является абсурдным и произвольным, поскольку в этом японцы не отличаются от других народов. Дело в том, что политика «некапитуляции» навязывалась военным руководством своим подчиненным, а не являлась отражением ни японского взгляда на жизнь, ни японских верований [6, с. 40]. Таким образом, Вацудзи отказывал «Хризантеме и мечу» в академической ценности как произведению, которое игнорирует современные политические реалии, роль государственной идеологии.

К. Янагита в своей статье «Взгляд на жизнь обыкновенного человека» критикует Бенедикт, во-первых, за то, что она описывает паттерны культуры как постоянные и не подверженные изменениям. Это распространяется

также на этические и моральные понятия, присущие любому обществу. В связи с этим он раскрывает исторический прецедент самурайской этики, которую Бенедикт приписывает всем японцам. К. Янагита подчеркивает, что речь должна идти об образе жизни и ментальности, присущем конкретному и небольшому слою традиционного японского общества («менее десяти процентов населения»). Вместе с тем, нельзя отрицать того, что в эпоху Мейдзи государство актуализировало ряд ценностей этого сословия и внедряло их принципы в систему образования. С этим же периодом связана активная популяризация идей этики самураев зарубежом писателей, которым К. Янагита дает название «представителей Японии» («introducers of Japan»). Подобную мифологизированную презентацию японской культуры К. Янагита называет «ложью» и считает именно таких писателей виновными в заблуждениях Бенедикт, которая не различает сознательно сконструированный миф и реальную историко-культурную ситуацию, породившую его. Он подчеркивает, что, к примеру, бусидо было образом жизни исключительно самураев [5, с. 52].

Привлекает внимание следующее предостережение К. Янагито, которое настолько важно в исследуемом контексте, что его необходимо привести без сокращений: «Будет очень жаль, если найдутся два или три подхалима, которые полностью поверят всему написанному в книге только потому, что думают, что многие американцы восхищаются ею. На протяжении последних тысячелетий способность японцев думать самостоятельно часто была дезориентирована таким экзотическим импортом. Более того, он продолжает беспокоить нас и сегодня». (В оригинале: «It will be most unfortunate if there are two or three sycophants who completely believe everything in the book, just because they think many Americans admire it. For the past thousands of years, the power of the Japanese to think for themselves has often been disoriented by such exotic imports. Indeed it continues to trouble us even today» [5, с. 52]).

С современной дистанции, такой пассаж можно интерпретировать как пророческий. «Хризантема и меч», методология которой справедливо подвергалась критике японских гуманитариев, современников Бенедикт, стала тем самым «экзотическим импортом», который в последующем сыграл определяющую роль в развитии японской антропологии, создании концепций японского национального характера и нихонджинрон.

Таким образом, критическая традиция, заложенная японскими коллегами и современниками Бенедикт, базируется, в целом, на выявлении антиисторичности ее метода, который упускает из виду трансформации исторического развития, то есть, является примордиалистским. Примечательно также, что рецензенты призывают снисходительно относиться к выявленным ошибкам иностранного, западного исследователя, понимая обусловленность этого явления. Данная тенденция позже будет артикулирована в новых исследовательских контекстах в рамках теории критики ориентализма.

В целом, в последующие годы критики книги Рут Бенедикт повторяли и развивали тезисы, представленные ее японскими современниками.

Американские антропологи о книге Р. Бенедикт

В качестве показательных оценок труда Р.Бенедикт американскими антропологами обратимся к статьям Клиффорда Гирца [7] и Дугласа Люммиса [8]. К.Гирц, основатель интерпретативной антропологии, рассматривал исследование Р.Бенедикт с точки зрения методологии современной антропологии и американских реалий. Позиция Д.Люммиса основывается на опыте ученого, прожившего в Японии долгие годы и имевшего возможность, в отличие от Р.Бенедикт, непосредственного наблюдения за жизнью страны. К тому же, в начале 80-х годов XX века Д.Люммис мог исследовать влияние книги Р.Бенедикт в контексте расцвета нихонджинрон.

Статья К.Гирца «Us/Not-Us: Benedict's Travels» стала важным вкладом в понимание интенций книги в западной науке. В ней он отдает должное гуманизму исследователя, ее «храбрости», которая создала портрет «самого разумного противника» [7, с. 122] после событий Перл-Харбора, Батаанского марша смерти, Гуадал канала и действий американской пропаганды, представлявшей японцев в качестве садистов [7, с. 121]. В то же время он отмечает, что данное издание написано в дискурсе «смотри на себя-как-мы-бы-смотрели-на других» («look-unto-ourselves-aswe-would-look-unto-others»). Оно принадлежит известной европейской традиции, в которой путем обращения к дальним и порой вымышленным странам и народам, описываются отечественные реалии. Дополняя свои рассуждения доводом о том, что Бенедикт не была в Японии, К.Гирц заканчивает свою статью словами о том, что книгу Р.Бенедикт, которую он характеризует как «детскую», необходимо ставить в один ряд с произведениями писателей утопического жанра, а также сравнивает ее с «Путешествиями Гулливера» Свифта [7, с. 127-128].

Критическую тональность высказываний К.Гирца продолжил Д. Люммис. Его первая публикация о «Хризантеме и мече» увидела свет в 1981 году, в период расцвета нихонджинрон. По прошествии 35 лет со времени появления книги, в изменившихся за это время социо-культурных реалиях, стали очевидны ее влияние и роль в процессе развития идей, обращенных к национальной идентичности японцев. Д.Люммис констатирует следующие важные факты. Во-первых, труд Р.Бенедикт заложил основы послевоенного японоведения. Во-вторых, хотя это часто не признается, практически весь дискурс нихонджинрон осуществлен в рамках, которые были очерчены в ее книге [8, с. 3 - 4].

Публикации Д.Ламмиса о «Хризантеме и мече» приобрели большую известность и, в свою очередь, вызвали дискуссии. Можно обсуждать корректность позиции Люммиса, которая касается особенностей личности и психологических мотиваций Рут Бенедикт. Между тем, положение Д.Люммиса о том, что «Хризантема и меч» стала методологической и идеологической платформой возникновения нихонджинрон, представляется объективным. Вспоминая слова К.Янагито, в этом можно увидеть факт его сбывшегося пророчества.

Д.Люммис пишет о прозорливости критических высказываний японских авторов, опубликованных в 1950 году, и сам во многом «идет по стопам» японских современников и рецензентов Бенедикт.

В своей статье он также обращает внимание на то, что история Японии эпохи Мейдзи является примером, который мог быть использован при написании книги Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера «Изобретение традиции». Элиты Японии создали государство нового типа, провели коренную модернизацию страны, узаконив власть императора посредством опоры на избранные элементы исторического наследия. По его мнению, главная ошибка Р. Бенедикт состоит в том, что современную японскую идеологию, «придуманную и навязанную правительством из соображений национальных интересов», она назвала культурой, которая существовала имманентно и не претерпевала никаких изменений с древнейших времен [8, с. 12].

Причину заблуждений Р.Бенедикт Д.Люммис также объясняет тем, что японские интеллектуалы эпохи Мейдзи преуспели в том, чтобы создать особый имидж своей страны, тесно связанный с самурайской этикой, и приводит упомянутые выше слова Я. Кунио о «лжи».

Отсутствие исторического подхода в книге Р.Бенедикт Д.Люммис подчеркивает, сравнивая ее наблюдения за событиями, происходившими в нацистской Германии. В отличие от немецкого нацизма, который трактовался ею как специфический этап в развитии Германии, японский милитаризм описывался ею как олицетворение всей японской культуры. Он существовал в неизменном виде с древних времен и не рассматривался в связи с идеологической обработкой населения [8, с. 6].

Наряду с поддержкой и дальнейшим развитием критических тезисов японских гуманистических кругов конца 40-х годов, Д.Люммис достаточно подробно обосновывает выдвигаемое им положение о том, что «Хризантема и меч» является произведением политической литературы. Д.Люммис считает, что книга установила культурную парадигму послевоенных американско-японских отношений [8, с. 5]. Бенедикт оправдывает необходимость американской оккупации, основываясь на описании японской культуры как «культуры стыда». «Культура стыда» отрицает существование свободы, принципов, понятий. Освобождение от этого может принести только американская демократия.

Помимо этого, в своих более поздних публикациях, в 2007 году, исследователь справедливо классифицирует свою статью о Бенедикт как критику ориентализма и причисляет ее к постколониальным исследованиям [8, с. 1].

50-летний юбилей книги и интерес к ней в XXI веке

К 50-летию выхода книги, в 1999 году, один из номеров журнала «Японские исследования» был посвящен этой дате. В нем констатируется особое место «Хризантемы и меча» в современной культуре Японии.

Размещенная здесь статья Н.Фукуи [9] знакомит с процессом поисков названия для книги. В качестве вариантов ее названия рассматривались «Япон-

ский иероглиф», «Мы и японцы», «Задание: Япония», «Изогнутый клинок», «Фарфоровый жезл» и «Лотос и меч». Символ «несвободной» хризантемы был навеян романом японской писательницы Эцуко Сугимото «Дочь самурая». Хризантема, как подчеркивает Н.Фукуи, не символизировала ни изысканность и нежную эстетическую сторону японцев, ни цветок императора. Хризантема выступала отрицательным образом, олицетворявшее пленное состояние бонсай и, конечно же, самой Э. Сугимото. В этом автор статьи повторяет тезис, который ранее озвучивал Д.Люммис [9, с. 178].

Основным содержанием статьи П. Кент, размещенный в этом выпуске журнала, является полемика с публикациями Люммиса. [4] Другие авторы развивают темы, которые были обозначены в книге Рут Бенедикт: о дихотомии вины и стыда [10], культурологической проблематике суицида [11].

В начале нового тысячелетия интерес к книге Рут Бенедикт не уменьшился, она по-прежнему привлекает внимание исследователей, которые рассматривают ее в новых контекстах. В этой связи примечательна публикация С. Рянг «Бенедиктианский миф» («Benedictian myth»). Автор во многом солидарна с позицией Д. Люммиса. Она развивает его тезис о том, что Бенедикт причастна к рождению нихонджинрон, приводя следующие аргументы. Во-первых, ««Хризантема» дала японцам представление о том, как западные люди склонны видеть Японию. Таким образом, у них появились дискурсы и концепции, посредством которых можно было объяснить культуру Японии западным людям. То есть, те, кто больше всего узнал о Японии, читая Бенедикт, были сами японцы, а бенедиктианские понятия стали ядром нихонджинрон, или японских культурных исследований [12, с. 47].

Новым дискурсом в прочтении «Хризантемы и меча», на который обращает внимание С. Рянг, является критика книги с точки зрения бывших колониальных подданных Японии. В этом ее взгляды также близки понятию «политической литературы», которое использовал Д.Люммис.

В целом, публикация С. Рянг являет собой достаточно подробное описание критической традиции «Хризантемы и меча». Важными и ценными являются ее тезисы о том, что история взаимодействия «Хризантемы и меча» и японских интеллектуалов, создавших нихонджинрон, свидетельствует об изменчивой природе национального характера. Об этом она судит, наблюдая за тем, как понятие стыда, которое стало ключевым для японского самовосприятия, может приобретать, в зависимости от изменений в сопутствующем ему культурно-историческом контексте, разные значения – негативное или позитивное, устаревшее или современное [12, с. 70].

Ориентальный дискурс книги Р.Бенедикт, на который в свое время указывал Д.Люммис, стал основной темой статьи Д.Ли «Наследие стыда Рут Бенедикт: ориентализм и западничество в изучении Японии» [13]. Автор публикации пытается понять, в чем причины признания этой книги, несмотря на значительное число встречающихся в ней несоответствий научным критериям. К примеру, Р.Бенедикт рассматривает сложное японское общество как примитивное и однородное; утверждает, что наследие «аристократической»,

«классовой», «кастовой» и «феодальной» иерархии сохранились в современной Японии. Называя подход Р.Бенедикт «эссенциалистским», Д.Ли отмечает в ее анализе отсутствие внимания к вопросам власти, политической экономики и социальной структуры [13, с. 254]. Анализируя произведения жанра нихонджинрон, Д.Ли критикует тезис об уникальности японской вертикальной иерархической системы, поскольку она характерна и для других азиатских обществ, в частности, для Кореи [13, с. 255].

В заключение автор приходит к выводу о том, что популярность труда Р.Бенедикт о Японии заключается в том, что в западной гуманитарной науке не было методов для изучения современного японского общества. Вследствие этого оно могло рассматриваться только в эссенциалистском дискурсе отличия от Запада, выступая продолжением ориенталистской традиции [13, с. 257].

Заключение

Таким образом, знакомство с рядом публикаций, которые содержат критические замечания и оценки книги Р.Бенедикт «Хризантема и меч», позволяет наметить историю восприятия и интерпретаций ее идей. Причем, они применимы для большого числа исследовательских контекстов. «Хризантему и меч» следует рассматривать как труд по культурной антропологии, маркирующий уровень развития и научные интересы этой науки в период его написания. То, что антропологическое исследование оказалось востребованным в политических целях, в условиях войны, демонстрирует его практическое применение и потенциал.

Рассмотренная критическая проблематика книги Рут Бенедикт имеет отношение к межкультурному и межцивилизационному взаимодействию эпохи модерна. Взгляды Бенедикт формировались под влиянием традиции ориентализма, которые к тому же были сознательно актуализированы интеллектуалами эпохи Мейдзи и использовались ими для презентации мифологизированной японской культуры зарубежом. Речь идет, в частности, о получившей популярность на Западе книге Нитобе Инадзо «Бусидо. Кодекс чести самурая» [14]. Это произведение можно отнести к числу явлений, которые Я. Кунио называл «ложью». Между тем, опыт подобных культурных «интервенций» на западную территорию был характерен для процесса вестернизации японцев во второй половине XIX века.

Поскольку книга Рут Бенедикт способствовала возникновению нихонджинрон, а также обозначила основные темы в развитии японской культурной антропологии и вопроса самоидентификации японцев, то данный факт также следует отнести к парадоксальному, на первый взгляд, проявлению японской вестернизации. Книга «Хризантема и меч», предмет «экзотического импорта», как его охарактеризовал К. Янагито, сформировала ряд современных траекторий японоведения. В настоящее время одной из задач японской антропологии признается необходимость преодолеть тезис об уникальности культуры Японии (традиции, в немалой степени заложенной «Хризантемой и мечом») и развивать региональные культурные исследования.

Отмечаемый критиками антиисторизм позиции Рут Бенедикт становится особо очевидным в связи с популярными в настоящее время концепциями нацистроительства и изобретенных традиций. Япония, вступив на путь вестернизации в середине XIX века, является показательным для этих концепций образцом.

Обсуждение «Хризантемы и меча» также актуально в рамках теории критики ориентализма и автоориентализма, постколониальной теории.

Феномен книги Р. Бенедикт представляет значительный интерес в контексте сравнительного изучения процессов вестернизации азиатских стран, имевших несхожие пути исторического развития; в частности, Казахстана и Японии. Данные процессы могут продемонстрировать образцы формирования множественности модернов (multiple modernities), внимание к которым привлечено в теории цивилизационного анализа Й. Арнасона [15].

Таков круг некоторых проблем, который обсуждается и является перспективным в рамках критического прочтения самой известной книги о культуре Японии.

Список литературы

1 Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. – М., Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 256.

2 Мещеряков А. Рут Бенедикт и дискуссия о национальном характере японцев [Электронный ресурс] URL: <https://iocs.hse.ru/news/279084896.html> (дата обращения 02.12.2023).

3 Дегтев И. Послевоенный путеводитель по японской культуре и психологии. Как работа Рут Бенедикт «Хризантема и меч» «объясняла» японцев иностранцам и самим себе. [Электронный ресурс] URL: <https://knife.media/chrysanthemum-sword/> (дата обращения 02.12.2023).

4 Kent P. Japanese perceptions of «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. 1999, vol. 24. No. 2. – Pp. 181-192.

5 Yanagita K. The View of Life of the Ordinary Man // *Japanese Review of Cultural Anthropology*. 2016, vol. 17 – 1. – Pp. 47-61.

6 Watsuji T. Queries on the Scientific Value of The Chrysanthemum and the Sword // *Japanese Review of Cultural Anthropology*. 2016, vol. 17 – 1. – Pp. 37-46.

7 Geenz C. Works and lives: the anthropologist as author. – University Press Stanford. 1988. – P. 164.

8 Lummis C. D. Ruth Benedict's Obituary for Japanese Culture // *The Asia-Pacific Journal*. Japan Focus. – 2007, vol. 5 – 7. – Pp. 1-21.

9 Fukui N. Background research for «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. 1999, vol. 24. No. 2. – Pp. 173-180.

10 Modell J. The wall of shame: Ruth Benedict's accomplishments in «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. – 1999, vol. 24. No. 2. – P. 193-215.

11 Suzuki P. Overlooked aspects of «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. – 1999, vol. 24. – No. 2. – Pp. 217-232.

12 Ryang S. Japan and National Anthropology: A Critique. – Routledge, 2004. – P. 274.

13 Lie J. Ruth Benedict's Legacy of Shame: Orientalism and Occidentalism in the Study of Japan // *Asian Journal of Social Science*. – 2001, vol. 29, No. 2. – Pp. 249-261.

14 Nitobe I. Bushido: The Soul of Japan. – Merchant Books, 2009. – P. 92.

15 Spohn W. World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason // *European Journal of Social Theory*. 2011, vol. 14. № 1. – Pp.23-39.

Transliteration

1 Benedikt R. Hrizantema i mech: Modeli japonskoj kul'tury [Chrysanthemum and Sword: Patterns of Japanese Culture]. – М., Спб.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. – С. 256.

2 Meshherjakov A. Rut Benedikt i diskussija o nacional'nom haraktere japoncev [Ruth Benedict and the Japanese National Character Debate]. [Jelektronnyj resurs] URL: <https://iocs.hse.ru/news/279084896.html> (data obrashhenija 02.12.2023)

3 Degtev I. Poslevoennyj putevoditel' po japonskoj kul'ture i psihologii. Kak rabota Rut Benedikt «Hrizantema i mech» «ob#jasnjala» japoncev inostrancam i samim sebe [A post-war guide to Japanese culture and psychology. How Ruth Benedict's *The Chrysanthemum and the Sword* «explained» the Japanese to foreigners and to themselves]. [Jelektronnyj resurs] URL <https://knife.media/chrysanthemum-sword/> (data obrashhenija 02.12.2023).

4 Kent P. Japanese perceptions of «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. 1999, vol. 24. No. 2. - Pp. 181-192.

5 Yanagita K. The View of Life of the Ordinary Man // *Japanese Review of Cultural Anthropology*. – 2016, vol. 17 – 1. – Pp. 47-61.

6 Watsuji T. Queries on the Scientific Value of *The Chrysanthemum and the Sword* // *Japanese Review of Cultural Anthropology*. – 2016, vol. 17 – 1. - Pp. 37-46.

7 Geenz C. Works and lives: the anthropologist as author. - University Press Stanford.1988. – P. 164.

8 Lummis C. D. Ruth Benedict's Obituary for Japanese Culture // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. – 2007, vol. 5–7. – Pp. 1–21.

9 Fukui N. Background research for «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. – 1999, vol. 24. No. 2. – Pp. 173- 180.

10 Modell J. The wall of shame: Ruth Benedict's accomplishments in «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. – 1999, vol. 24. – No. 2. – P. 193-215.

11 Suzuki P. Overlooked aspects of «The chrysanthemum and the sword» // *Dialectical Anthropology*. – 1999, vol. 24. – No. 2. – Pp. 217-232.

12 Ryang S. *Japan and National Anthropology: A Critique*. – Routledge, 2004. – P. 274.

13 Lie J. Ruth Benedict's Legacy of Shame: Orientalism and Occidentalism in the Study of Japan // *Asian Journal of Social Science*. – 2001, vol. 29, No. 2. – Pp. 249-261.

14 Nitobe I. *Bushido: The Soul of Japan*. – Merchant Books, 2009. – P. 92.

15 Spohn W. *World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason* // *European Journal of Social Theory*. – 2011, vol. 14. № 1. – Pp.23–39.

Ержан З.М., Масалимова А.Р.

Рут Бенедиктің «Хризантема мен қылыштың» сыни түсіндірмесі

Аңдатпа: Мақалада жапонтанудағы ең атакты кітаптарының бірі, Р. Бенедиктің «Хризантема мен қылыш» еңбегін бағалаудағы сыни дәстүрдің қалыптасу тарихымен таныстырылады. Бүгінгі таңда автордың әдіснамасында тарихи көзқарастың кемшілігін көрсеткен жапон замандастарының мақалалары объективті деп танылады. Көптеген зерттеушілер Р. Бенедикт кітабында ХХ ғасырдың 70-жылдарында пайда болған жапондықтардың бірегейлігі, ниhojinрон концепциясының негізгі дискурстары қалыптасқан деген пікір білдіреді. Р. Бенедиктің Жапонияны сипаттау тәсілі батыс антропологиясында қазіргі Шығыс мәдениеттерін зерттеу әдістерінің жоқтығынан сұранысқа ие болған ориентализм дәстүрлерін жалғастырады. «Хризантема мен қылыш» феномені көптеген өзекті зерттеулердің көрсеткіші болып табылады: ұлттық құрылыс теориясы, постколониалдық теория, модернизация теориясы және модернизмнің көптігі теориясы.

Түйін сөздер: Рут Бенедикт, ниhojinрон, Жапония модернизациясы, ориентализм, вестернизация, примордиализм, ұлт құру.

Yerzhan Z., Massalimova A.

Critical Interpretations of «The Chrysanthemum and the Sword» by Ruth Benedict

Abstract: The article introduces the history of the formation of the critical tradition in the assessment of «The Chrysanthemum and the Sword» by R. Benedict, one of the most famous book in Japanese studies. Today, the articles of the author's Japanese contemporaries, who pointed out the lack of historicism in her methodology, are recognized as objective. Many researchers agree that in the book of R. Benedict the main discourses of the concept of the uniqueness of the Japanese, nihojinron, which arose in the 70s of the twentieth century, were formed. R. Benedict's approach to describing Japan traces the traditions of Orientalism, which were in demand in the absence of methods for studying modern Eastern cultures in Western anthropology. The phenomenon of «The Chrysanthemum and the Sword» is indicative of many current studies: the theory of nation-building, postcolonial theory, the theory of modernization and the plurality of modernity.

Key words: Ruth Benedict, nihojinron, modernization of Japan, orientalism, westernization, primordialism, nation-building.